

Всеволод Иванов

Голубые пески

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
И17

И17 **Иванов В.В.**
Голубые пески / Всеволод Иванов – М.: Книга по Требованию, 2017. – 131 с.

ISBN 978-5-458-03295-7

ISBN 978-5-458-03295-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017
© В.В. Иванов, 2017

Всеволод Иванов
Голубые пески

Посвящ. Анне Весниной.

Книга первая

Корабельная вольница

I

Была монета старая — в наш царев пятак объемом. Косо к одному боку давили друг дружку буковки — «2 копейки. — 1798, е. м.», а на обороте широкое жирное «П» втискивало в себя — «I». А над «П» — корона, которых теперь в России нет. Меди монета темной как чугуи.

В Перми, рассказывают, много раньше таких монет водилось.

Только одну вот эту монетку перевез сюда на Иртыш переселенный человек Кирилл Михеич Качанов. Да еще лапти, кошель сухарей.

Церквей в Павлодаре — три. Две из них выстроил Кирилл Михеич, а третья выбита была во времена царя с темной монетки (у церквей своя история — дальше).

Сволочь разную казацкую Кирилл Михеич не уважал, а женился на казачке Фиозе Семеновне Савицкой из станицы Лебяжьей. И была с этой Фиозой Семеновной тоже своя история.

Кирпича киргиз делать не умеет. Киргиз — что трава на косьбу. Выстроил кирпичные заводы Кирилл Михеич.

Бороду носил карандашиком, волос любил человеческий, не звериный гладкий.

А телу летом в Павлограде тепло. Из степи пахнувшая арбузами розовая пыль, из города — голубоватая. Дома — больше деревянные, церковь разве в камне (но у церквей своя история — дальше).

И у каждого человека своя история. Свое счастье.

У монеты своя история. Свое счастье.

И как неразменная золотая монета — солнце. И как стерляди — острогорбы и зубчаты крытые тесом дома. И степь, как Иртыш — голубой и розовый зверь.

На монету ли, на руку тугожильную шло счастье?

* * *

Счастье мое — день прошедший!

Радость, любовь моя — Иртыш голубой и розовый.

* * *

Хотел Кирилл Михеич бросить папироску в пепельницу, — но очутилась она на полу, и широкая его ступня ядовито пепел по половику растащила. По темновишневому половику — седая полоска.

А жена, Фиоза Семеновна, — даже и этого не заметила. Уткнулась, — казачья кровь — упрямая, — уткнулась напудренными ноздрями в подушку, плачет.

Кирилл Михеич тоже, может быть, плакать хочет! Чорт знает, что такое! Повел пальцами по ребрам, кашлянул.

Плачет.

Стукнул казанками в ладонь, прокричал:

— Перестань! Перестань, говорю!..

Плачет.

— Все вы на один бизмен: наблудила и в угол. Орать. Кошки паршивые, весну нашли... Любовников заводите...

Еще громче захныкала подушка. Шея покраснела, а юбка, вскинувшаяся показала розоватую ногу за чулком...

Побывал в кабинете Кирилл Михеич. Посидел на стуле, помял записку от фельдшера. Эх, чорт бы вас драл — чего человеку не хватает! Все бабы одинаковы: как листья весной — липнут.

Надел Кирилл Михеич шляпу и как был в тиковых подштанниках с алыми прожилками, в голубой ситцевой рубашке, — так и отправился. Так, всегда, носил сюртук и брюки на выпуск, но исподнее любил пермских родных мест и в цвета — поярче.

Дворяне жен изменниц всегда в сюртуках бранят и в таком виде убийства совершают. А мужик должен жену бить и ругать в рубашке и портках, — чтобы страшный дух, воспалительный, от тела шел.

Надо бы дать Фиозе в зубы!

Неудобно: подрядчик он на весь уезд — и жену, как ратник 2 разряда, бьет. Драться неудобно. И опять: письмо, Господи, да мало ли любовных бумаг еще страшнее бывает? Здесь, что ж, на ответное использование подозрительности нету.

«Любезная и дорогая Фиоза Семеновна! Раз сердце ваше в огне, потрудитесь вручителию сего подать ваше письменное согласие на ранде-ву в моей квартире в какие угодно времена»...

Михей Поликарпыч обитал позади флигелька, рядом с пимокатной. А как выходил сын из флигеля, — шваркали по щебню опорки, с-под угла показывалась хитрая и густая, как серый валенок, бороденка, и словно клок черной шерсти губы закатанные.

— Аль заказ опять? Везет тебе...

Хотел-было сунуть бумажку в карман: оказывается, в подштанниках вышел. Скомкал бумажку меж пальцев.

— Час который?

— Час, парень, девятой... Девятой, обязательно.

Осмотрел стройку, глыбы плотного алого кирпича. Ямы кисло-пахнущей хлебом известки. Жирные телесного цвета сутунки — огромные гладкие рыбы у кирпичных яров-стен.

— Опять каменщиков нету? Прибавил ведь поденщину, какого лешака еще?..

Поликарпыч заложил руки на хребет, бороденку повел к плечу, ответил ругательно:

— Паскуда, а не каменщик. Рази в наше время такой каменщик был?.. Етова народа прибавкой не сдержишь. Очень просто — паскуда, гнилушка. Отправились, сынок, на пристань к Иртышу. Пароход пришел — «Андрей Первозванный» человека с фронтов привез — всю правду рассказывает. Комиссар по фамилии.

— Комиссар не фамилия, а чин.

— Ну? Ловко! О-о, что значит царя-то нету. Какие чины-то придумали.

— Какой комиссар-то приехал, батя? Фамилию не сказывали?

— Вот и есть фамилия — комиссар. А, между прочим, сказывают — забастов-

ку устроим. В знак любви, это про комиссара-то. Валяй, говорю, раз уж на то пошло. И устроят, сынок. А, мобыть, грит, и на работу придем вечером. Как там — пароход.

Старик присел рядом на бревно и стал длинно, прерываясь кашлем, рассказывать о своих болезнях. Кирилл Михеич, не слушая его, смотрел на ползущие выше досчатого забора в сухое и зеленоватое небо емкие и звонкие стены постройки. На ворота опустилась сорока, колыхая хвостом, устало крикнула.

Кирилл Михеич прервал:

— Мальченка от фершала не приходил?

— Где мне видеть! Я в каморе все. А тебе его куда?

— Гони в шею, коли увидишь.

— Выгоню. Аль украл что?

Кирилл Михеич пнул ногой кирпич.

— И фершала гони, коли припрется. Прямо крой поленом — на мою голову. Шляются, нюхальщики!..

Старик хило вздохнул, повел по бревну руками. Соскабливая щепочкой смолу, пробормотал:

— Ладно... Эта можна.

Кирилл Михеич спросил торопливо:

— Краски, не знаешь, где купить? Коли еще воевать будут, не найдешь и в помине. Внутри под дуб надо, а крышу испанской зеленью...

Мимо постройки, улицей, низко раскидывая широкий шаг, прошли верблюды, нагруженные солью. Золотисто-розовая пыль плескалась как фэй, пухло-жарко оседала у ограды.

Потом Кирилл Михеич был у архитектора Шмура.

Архитектор — прямой и бритый (даже брови сбрывал) — носил пробковый шлем, парусиновые штаны и читал Киплинга. Он любил рассказывать про Англию, хотя там и не был.

Архитектор, сдвинув шлем на затылок, шагал из угла в угол, курил трубку и говорил:

— Немцы — народ механический. Главная их цель — мировая гегемония, как на суше, так и на море. В англичанах же... тут — мысль!.. Разум! Наука! Сила...

И пока он вытряхивал табак, Кирилл Михеич спросил:

— Как насчет подрядов-то, Егор Максимыч? Церква-то неужто не мне дадут? Я ведь шестнадцать лет церкви строю...

Архитектор передвинул шлем на ухо и лихо сказал:

— Давайте мы с вами, Кирилл Михеич, в готическом стиле соорудим... Скажем, хоть хохлам в пример.

— Зачем же хохлам готический? Они молиться не будут... И погром устроят — церковь разрушат и нас могут избить. Теперь насчет драки — свободный самосуд.

Шмура насунул шлем на брови, и соответственно этому голос его поредел:

— Такому народу надо ограниченную монархию... А если нам колокольню выстроить в готическом? Ни одной готической колокольни не строил. Одну колокольню?

— Колокольню попробовать можно. Скажем, в расчетах ошиблись.

Шмура кинул шлем на кровать и сказал обрадованно:

— Тогда мы с вами кумыса выпьем. Чаным!

Киргиз принес четверть с кумысом.

— Слышали? — спросил Шмуро. — Комиссар Запус приехал.

— Много их. Так, насчет церквей-то, как? У меня сейчас и лес и кирпич запасен. Вы там...

— Можно, можно. Только вы политикой напрасно не интересуетесь. В Лондоне или даже в какой-нибудь Индии — просыпается сейчас джентльмен, и перед носом у него — газета. Одних объявлений — шестнадцать страниц...

— Настоящая торговля, — вздохнул Кирилл Михеич. — Жениться не думаете?

— Нет? А что?

— Так. К слову. Жениться человеку не мешает. Невесту здесь найти легко можно. Если на казачке женишься — лошадей в приданое дадут.

— Вы, кажется, на казачке женились? Много лошадей получили?

— В джут¹ все подошли. Гололедница... ну, и того... высохли. Пойду.

— Сидите. Я вам про Запуса расскажу, комиссара.

— Ну их к богу! Я насчет церквей и так... вот коли рабочие не идут на работу, как с ними? Закона такого нет?

— Рассчитать.

— Только? Кроме расчета — никаких свободных самосудов?..

— Нельзя.

На улицах между домами — опять золотистая пыль. Как вода на рассвете — легкая и светлая. Домишки деревянные, островерхие — зубоспинные и зеленоватые стерляди. У некоторых домов — палисадники. В деревянных опоясках пыльные жаркие тополи, под тополями, в затине — кошки. Глаз у кошки золотой и легкий как пыль.

А за домами — Иртыш голубой, легкий и розовый. За Иртышом — душные нескончаемые степи. И над Иртышом — голубые степи, и жарким вечным бегом бежит солнце.

Встретился протоиерей Смирнов. Был он рослый, темноволосый и усы держал как у Вильгельма. А борода, как степь зимой, не росла, и он огорчился. Голос у него темный с ядреными домашними запахами, словно ряса, говорит:

— На постройку?

Благословился Кирилл Михеич, туго всунул голову в шляпу.

— Туда. К церкви.

Смирнов толкнул его логонько, — повыше локтя. И, спрятав внутри темный голос, непривычным шопотом сказал:

— Ступайте обратно. От греха. Я сам шел — посмотреть. Приятно, когда этак...

Он потряс ладонями, полепил воздух:

— ...растет... Небо к земле приближается... А вернулся. Квартала не дошел. Плюнул. У святого места, где тишина должна, — птица и та млеет сборище...

— Каменщики?

Когда протоиерей злился — бил себя в лысый подбородок. Шлепнул он тремя пальцами, и опять тронул Кирилла Михеича выше локтя:

— Заворачивайте ко мне. Чаем с малиновым вареньем, дыни еще из Долона привезли, — угощу.

— На постройку пойдю.

— Не советую. Со всего города собрались. Комиссар этот, что на пароходе. Запус. Непотребный и непочтительный крик. Очумели. Ворочайтесь.

— Пойду.

Шлепнул ладонью в подбородок. Пошел, тяжело вылезая ногами из темной рысы, — мимо палисадников, мимо островерхих домов — темный, потный, гулом чужим наполненный колокол. Протоиерей Евстафий Владимирович Смирнов, сорока пяти лет от роду.

На кирпичач, принадлежащих Кириллу Михеичу, на плотных и веселых стенах постройки, на выпачканных известкой лесах — красные, синие, голубые рубахи. Крыльца, сутулые спины, привыкшие к поклажам — кирпича, ругани, кулаков — натянули жилы цветные материи, — красные, синие, голубые, слушают.

И Кирилл Михеич слушает. Раз пришел...

На бывшей исправничьей лошади — говорящий. Звали ее в 1905 году Микадо, а как заключили мир с Японией — неудобно — стали кликать: Кадо. Теперь прозвали Императором. Лошадь добрая, Микадо так Микадо, Император так Император — ржет. Копытца у ней тоненькие, как у барышни, головка литая и зуб в тугой губе — крепкая...

И вот на бывшей исправничьей лошади — говорящий. Волос у него под золото, волной растрепанный на шапочку. А шапочка-пирожок — без козырька и наверху — алый каемчатый разрубец. На боку, как у казаков, — шашка в чеканном серебре.

Спросил кого-то Кирилл Михеич:

— Запус?

— Он...

Опять Кирилл Михеич:

— На какой, то-есть, предмет представляет себя?

И кто-то басом с кирпичей ухнул:

— Не мешай... Потом возразишь.

Стал ждать Кирилл Михеич, когда ему возразить можно.

Слова у Запуса были розовые, крепкие, как просмоленные веревки, и теплые. От слов потели и дымились ситцевые рубахи, ветер над головами шел едкий и медленный.

И Кириллу Михеичу почти также показалось, хотя и не понимал слов, не понимал звонких губ человека в зеленом киргизском седле.

— Товарищи!.. Требуйте отмены предательских договоров!.. Требуйте смены замаскированного слуги капиталистов — правительства Керенского!.. Берите власть в свои мозолистые руки!.. Долой войну... Берите власть...

И он, взметывая головой, точно вбивал подбородком — в чьи руки должна перейти власть. А потом корявые, исцеленные кислотами и землей, поднялись кверху руки — за властью...

Кирилл Михеич оглянулся. Кроме него, на постройке не было ни одного человека в сюртуке. Он снял шляпу, разгладил мокрый волос, вытер платком твердую кочковатую ладонь и одним глазом повел на Запуса.

Гришка Заботин, наборщик из типографии, держась синими пальцами за серебряные ножны, говорил что-то Запусу. И выпачканный краской, темный, как

типографская литера, гришкин рот глядел на Кирилла Михеича. И Запус туда же.

Кирилл Михеич сунул платок в карман и, проговорив:

— Стрекулисты... тоже... Политики! отправился домой.

Но тут-то истряслось.

За Казачьей площадью, где строится церковь, есть такой переулочек Непрозжий. Грязь в нем бывает в дождь желтая и тягучая, как мед, и глубин неизведанных. Того ради, не как в городе — проложен переулком тем деревянный мосток, по прозванью троттуар.

Публика бунтующая на площади галдит. По улицам ополченцы идут, распускательные марсельезные песни поют. А здесь спокойнехонько по дощечкам каблуками «сорокоходовских» ботинок отстукивай. Хоть тебе и жена изменяет, хоть и архитектор-англичанин надуть хочет — постукивай знай.

И вот топот за собой — мягкий по пыли, будто подушки кидают. На топот лошадиный что ж оборачиваться — киргиз он завсегда на лошади, едва брюхо в материю обернет. А киргиза здесь как пыли.

Однако обернулся. Глазом повел и остановился.

Вертит исправничья лошадь «Император» под гладкое свое брюхо желтые клубы. Копыта как арканы кидает.

А Запус из седла из-под шапочки — пильменчиком веселым глазом по Кириллу Михеичу.

Подъехал; влажные лошадиные ноздри у суконной груди подрядчика дышат — сукно дыбят. Только поднял голову, кашлянул, хотел он спросить, что мол, беспокоите, — наклонились тут черные кожаные плечи, шапочка откинулась на затылок. Из желтеньких волосиков на Кирилла Михеича язычок полвершка — и веки одна за другой подмигнули...

Свистнул, ударил ладонями враз по шее «Императора» и ускакал.

II

Соседом по двору Кирилла Михеича был старый дворянский дом. Строился он во времена дедовские, далеко до прихода Кирилла Михеича из пермских земель. И как сделал усадебный флигелек себе Кирилл Михеич на место киргизской мазанки, так и до этой новой кирпичной постройки — стоял сосед нем и слеп.

Пучились проросшие зеленью ставни. Били, жгли и тянули их алые и жаркие степные ветры, кувыркались плясами по крыше, визжали истошно и смешно в приземистые трубы, — не шевелился сосед.

А в этот день, когда под вечер на неподмазанных двухколесых арбах киргизы привезли кирпичи на постройку, — заметил Кирилл Михеич сундушный стук у соседа. И вечерное солнце всеми тысячи зрачков озверилось в распахнутых ставнях.

Спросил работника Бикмуллу:

— Чего они? Ломают что ль?

Поддернул чимбары² Бикмулла (перед хорошим ответом всегда штаны поддерни, тибитейкой качни), сказал:

— Апицер — бий — генерал большой приехал. Большой город, грит, совсем всех баран резал. Жрать нету. Апицер скоро большой город псех резить будет. Палле!..

В заборе щели как полена. Посмотрел Кирилл Михеич.

Подводы в ограде. Воза под брезентами — и гулкий с раскатом сундушный стук, точно. На расхлябанные двери планерочки, скобки приколачивает плотник Горчишников (с постройки тоже). Скобки медные. Эх, не ворованные ли?

— Горчишников! — позвал Кирилл Михеич.

Убил тот гвоздь, отошел на шаг, проверил — еще молотком стукнул и тогда — к хозяину.

— Здравсьте, Кирилл Михеич.

В щель на Горчишникова усталились скуластые пермские щеки, борода на заграничный цвет — карандашиком и один вставной желтый зуб.

— Ты чего ж не работал?

— Так что артель. Революсия...

— Лодыри.

Еще за пять сажен проверил тот гвоздь. Поднял молоток, шагнул-было.

— Постой. Это кто ж приехал?

— Саженова. Генеральша. Из Москвы. Добра из Омска на десяти подводах — пароходы, сказывают, забастовали. У нас тут тоже толкуют — ежели, грит, правительство не уберут...

— Постой. Одна она?

— Дочь, два сына. Ранены. С фронтов. Ребята у вас не были? Насчет требований?

— Иди, иди...

В ограде горел у арб костер: киргизы варили сурпу. Сами они, покрытые овчинами, в отрепанных малахях сидели у огня, кругом. За арбами в синей темноте перебегали оранжевые зеницы собак.

Кирилл Михеич, жена и сестра жены, Олимпиада, ужинали. Олимпиада с мужем жила во второй половине флигеля. Артемий Трубучев, муж ее, капитан приехал с южного фронта на побывку. Был он косоног, коротковолос и похож на киргиза. Почти все время побывки ездил в степи, охотился. И сейчас там был.

Кирилл Михеич молчал. Нарочито громко чавкая и капая на стол салом, ел много.

Фиоза Семеновна напудрилась, глядела мокро, виновато вздыхала и говорила:

— Артюша скоро на фронт поедет. И-и, сколь народу-то поизничтожили.

— Уничтожили! Еще в людях брякни. Возьми неуча.

— Ну, и пусть. Знаю, как в людях сказать. Вот, Артюша-то говорит: кабы царя-то не сбросили, давно бы мир был и немца побили. А теперь правителей-от много, каждому свою землю хочется. Воюют. Сергевна, чай давай!..

— Много он, твой Артюша, знает. Волоче-то. Комиссар вон с фронта приехал. Бабы, хвост готовь — кра-асавец.

Олимпиада, разливая, сказала:

— Не все.

Летали над белыми чашками, как смуглые весенние птицы, тонкие ее руки. Лицо у ней было узкое, цвета жидкого китайского чая и короткий лоб упрямо зарастал черным степным волосом.

— Генеральша приехала, Саженова, — проговорила поспешно Фиоза Семеновна. — Дом купила — не смотря. В Москве. Тебе, Михеич, надо бы насчет ремонту поговорить.

— Наше дело не записочки любовные писать. Знаем.

— ...Нарядов дочери навезли — сундуки-то четверо еле несут. Надо, Лимпиды, сходить. Небось модны журналы есть.

— Обязательно-о!.. Мало на тебя, красю, заглядываются. И-их, сугроб занавоженный...

Кирилл Михеич не допил чашку и ушел.

В коленку ткнулась твердым носом собака и, недоумевающе взвизгнув, отскочила.

Среди киргиз сидел Поликарпыч и рассказывал про нового комиссара. Киргиз удивило, что он такой молодой, с арбы кто-то крикнул: «Поди, царский сын». Еще — чеканенная серебром сабля. Они долго спрашивали про саблю и решились итти завтра ее осмотреть.

— «Серебро — как зубы, зубы — молодость», — запел киргиз с арбы самокладку.

А другой стал рассказывать про генерала Артюшку. Какой он был маленький, а теперь взял в плен сто тысяч, три города и пять волостей, немцев в плен.

Кирилл Михеич, чуть шебурша щепами и щебнем, вышел за ворота.

Из ожившего дома, через треснувшие ставни тек на песок желтый и пахучий, как топленое масло, свет. Говорили стекла молодым и теплым.

Он прошелся мимо дома, постройки. Караульщик в бараньем тулупе попросил закурить. А закурив, стал жаловаться на бедность.

— Уйди ты к праху, — сказал Кирилл Михеич.

Через три дома — угол улицы.

Посетили гальки блестящие лунные лучи, — ушли за тучу. Тополя в палисадниках — разопрелые банные веники на молодухах... Белой грудью повисла опять луна. (Седая любовь — нескончаемая). Сонный извозчик — киргиз остановил лошадь и спросил безнадежно:

— Можить, нада?

— Давай, — сказал Кирилл Михеич.

— Куды?.. Но-о, ты-ы!..

Пощупал голову, — шляпу забыл. Нижней губой шевельнул усы. С неприлички сказать неловко, не идет:

— К этим... проституциям.

— Ни? — не понял киргиз. — Куды?

Кирилл Михеич уперся спиной в плетеную скрипучую стенку таратайки и проговорил ясно:

— К девкам...

— Можня!..

III

Все в этой комнате выпукло — белые надутые вечеровым ветром шторы; округленные диваны; вываливающиеся из пестрых материй груды мяс и беловато-розовая лампа «Молния», падающая с потолка.

Архитектор Шмуру в алой феске, голос повелительный, растяжистый:

— Азия!.. Вина-а!..

Азия в белом переднике, бритоголовая, глаз с поволокой. Азиатских земель — Ахмет Букмеджанов. Содержатель.

Кириллу Михеичу что? Грудь колесом, бородку — вровень стола — здесь